

М.Е. Салтыков

Современная идиллия

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Е. Салтыков**
Современная идиллия / М.Е. Салтыков – М.: Книга по Требованию, 2021. –
442 с.

ISBN 978-5-517-97526-3

ISBN 978-5-517-97526-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

письменный столъ отъ бумагъ и книгъ, въ обыкновенное время загромождавшихъ его, онъ сидѣлъ передъ порожнимъ пространствомъ... и набивалъ папироски.

— Ты что это дѣлаешь? спросилъ я.

— А вотъ, подходящее, по обстоятельствамъ, занятіе изобралъ. Утромъ, возставъ отъ сна, пасьянсъ раскладывалъ, теперъ — папироски дѣлаю.

— Представъ себѣ, ко мнѣ Алексѣй Степанычъ заходилъ и тоже самое совѣтывалъ!

— А я такъ самъ догадался. Садись, вотъ тебѣ гильзы — занимайся.

— Позволь, однако, надо же хотъ объясниться сперва!

— А тебѣ что Алексѣй Степанычъ сказалъ?

— Да ничего путѣмъ не сказалъ. Пришелъ, повернулся и ушелъ. Погодить, говорить, надо!

— Чудакъ ты! Сказано: погоди, ну, и годи, значить. Вотъ я себѣ самъ, собственнымъ движеніемъ, сказалъ: Глузовъ! нужно, брать, погодить! Купилъ табаку, гильзы — и шабашъ. И не объясняюсь. Ибо понимаю, что всякое поползновеніе къ объясненію есть противоположное тому, что на русскомъ языкѣ извѣстно подъ словомъ «годить».

— Помилуй! да развѣ мы мало до сихъ поръ годили? Въ чемъ же другомъ вся наша жизнь прошла, какъ не въ непрерывномъ самопонуженіи: погоди, да погоди!

— Стало быть, до сихъ поръ мы въ одну мѣру годили, а теперъ мѣра съ гарниемъ пошла въ ходъ — больше годить надо, а завтра, можетъ быть, къ мѣрѣ и еще два гарнца накинется — ну, и еще больше годить придется. Небось, не лопнешь. А впрочемъ, что же праздныя-то слова говорить! Давай-ка лучше подумаемъ, какъ бы намъ сообща каникулы-то эти провести. Вмѣстѣ и годить словно бы веселѣе будетъ.

Затѣмъ, мы въ нѣсколько минутъ начертали планъ

дѣйствій и съ завтрашняго же дня приступили къ выполнению его.

Прежде всего мы рѣшили, что я съ вечера же переберусь къ Глумову, что мы вмѣстѣ ляжемъ спать и вмѣстѣ же завтра проснемся, чтобы начать «годить». И не разстанемся до тѣхъ поръ, куда вакантъ самъ собой, такъ сказать, изморомъ не изноетъ.

Залегли мы спать часовъ съ одиннадцати, точно завтра утромъ къ ранней обѣднѣ собрались. Обыкновенно мы въ это время только-что словесную канитель затягивали и часовъ до двухъ ночи переходили отъ одного современнаго вопроса къ другому, съ одной стороны ничего не предрѣшая, а съ другой стороны не отказывая себѣ и въ достоуважаемомъ, въ предѣлахъ разумной умеренности, разсмотрѣннн. И хотя наши собесѣдованія почти всегда заканчивались словами: «необходимо погодить», но мы, все-таки, утѣшались хоть тѣмъ, что слова эти составляютъ результатъ свободнаго обмѣна мыслей и свободно-разумнаго отношенія къ дѣйствительности, что воля съ насъ не снята, и что еслибы, напримѣръ, выпить при семъ двѣ-три рюмки воды, то ничто бы, пожалуй, не воспрепятствовало намъ выразиться и такъ: Господа! да неужто же, наконецъ...

Но теперь мы съ тѣмъ именно и собрались, чтобы начать годить, не разсуждая, не вдаваясь въ изслѣдованія, почему и какъ, а просто-на-просто плыть по теченію до тѣхъ поръ, пока Алексѣй Степанычъ не сниметъ съ насъ клятвы и не скажетъ: теперь — валий по всѣмъ по тремъ!

Мнѣ не спалось, Глумовъ тоже ворочался съ боку на бокъ. Но дисциплина уже сказывалась, и мысли приходили въ голову именно все такія, какія должны придти людямъ, собравшимся къ ранней обѣднѣ.

— Глумовъ! ты не спишь?

— Не сплю. А ты?

— И я не сплю.

— Гм... не зажечь-ли свѣчу?

— Погоди, можетъ быть, и уснемъ.

Прошло еще съ полчаса — не спится да и только. Зажгли свѣчу, спустили ноги съ кровати и сѣли другъ противъ друга. Глядѣли-глядѣли — наконецъ, смѣшно стало.

— Пстой-ка я въ буфетъ схожу; я тамъ, на всякій случай, два куска ветчины припасъ! сказалъ Глумовъ.

— Сходи, пожалуй!

Глумовъ зашлепалъ туфлями, а я сидѣлъ и прислушивался. Вотъ онъ въ кабинетъ вошелъ, вотъ вступилъ въ переднюю, вотъ поворотилъ въ столовую... Чу! ключъ повернулся въ замкѣ, тарелки стукнули... Идетъ назадъ!

Когда человѣкъ рѣшился годить, то все для него интересно; способность къ наблюденію изощряется почти до ясновидѣнія, а мысли — приходятъ во множествѣ.

— Вотъ ветчина, а вотъ водка. Закусимъ! сказалъ Глумовъ.

— Гм... ветчина! Хорошо ветчиной на ночь закусить — спать лучше будетъ. А ты, Глумовъ, думалъ ли когда-нибудь объ томъ, какъ эта самая ветчина ветчиной дѣлается?

— Была прежде свинья, потомъ ее зарѣзали, разсортировали, окорока посолили, провѣсили — вотъ и ветчина сдѣлалась.

— Нѣтъ, не это! А вотъ, кому эта свинья принадлежала? Кто ее выхолить, выеормилъ? И почему онъ съ нею разстался, а теперь мы, которые ничего не выкармливали, окорока этой свиньи ѣдимъ...

— И празднословіемъ занимаемся... Будетъ! Сказано тебѣ, погодить — ну и жди!

— Глумовъ! я немножко!

— Ни слова, ни полслова — вотъ тебѣ и сказъ. До-
ѣдай и ложись! А чтобы воображеніе осадить — вотъ
тебѣ водка.

Выпили по двѣ рюмки — и дѣйствительно какъ - то
сподручѣе годить сдѣлалось. Въ голову словно облако
тумана ворвалось, теплота по всѣмъ суставамъ пошла.
Я закутался въ одѣяло и сталъ молчать. Молчать—это
цѣлое занятіе, цѣлый умственный процессъ, особливо
если при этомъ имѣется въ виду практической резуль-
татъ. А такъ какъ въ настоящемъ случаѣ ожидаемый
результатъ заключался въ словѣ «заснуть», то я пре-
дался молчанію, усиленно отгоняя и устраняя все, что
могло нанести ему ущербъ. Старался не переимѣнять по-
ложенія тѣла, всякому проблеску мысли сейчасъ же по-
сылалъ встрѣчный проблескъ мысли, по преимуществу,
ни съ чѣмъ не сообразный, даже цѣлыя сказки себѣ
сказывалъ. Содержаніе этихъ сказокъ я излагать здѣсь
не буду (это завлекло бы меня, пожалуй, за предѣлы
моихъ скромныхъ намѣреній), но, признаюсь откровенно,
всѣ онѣ имѣли въ своемъ основаніи слово «погодить».

Наконецъ, уже почти совсѣмъ сонный, я вымолвилъ:

— Да, братъ! а на счетъ ветчины — все-таки... Это,
братъ, въ своемъ родѣ — сюжетъ!

— Сюжетъ! тоже сквозь сонъ отвѣтилъ мнѣ Глумовъ,
и затѣмъ голова моя окончательно окунулась въ облако.

Проснулись мы довольно рано (часовъ въ девять), но
къ ранней обѣднѣ, все-таки, не успѣли.

— Впрочемъ, и то сказать, началъ я: — не такой го-
родъ Петербургъ, чтобы въ немъ раннія обѣдни справлять.

— Будешь и къ ранней обѣднѣ ходить, когда мо-
ментъ наступитъ, осадилъ меня Глумовъ: — но не объ
томъ рѣчь, а вотъ я на счетъ горячаго распоряжусь.
Тебѣ чего: кофею или чаю?

Я задумался. Обыкновенно, я пью чай, но нынче все такъ было необыкновенно, что захотѣлось и тутъ отличиться. Дай-ко, думаю, кофейку хвачу!

— Кофею, братецъ! воскликнулъ я и даже хлопнулъ себя по ляжкѣ отъ удовольствія.

Подали кофей. Налили по стакану — выпили; по другому налили — и опять выпили. Со сливками и съ теплымъ калачемъ.

— Калачъ-то отъ Филипова? спросилъ я.

— Да, отъ Филипова.

— Говорятъ, у него въ пекарнѣ таракановъ много...

— Мало ли что говорятъ! Вкусно—ну, и будетъ съ тебя!

Глумовъ высказалъ это нѣсколько утрумо, какъ будто предчувствуя, что у меня языкъ начинаетъ зудѣть.

— А что, Глумовъ, ты когда-нибудь думалъ, какъ этотъ самый калачъ...

— Что «калачъ»?

— Ну вотъ родословную-то его... Какъ сначала эта самая пшеница въ завромѣ лежитъ, у кого лежитъ, какъ этотъ человѣкъ за сохой идетъ, напирая на нее всею грудью, какъ...

— Зналъ прежде, да забылъ. А теперь знаю только то, что мы кофей съ калачемъ пьемъ, да и тебѣ только это знать совѣтую!

— Глумовъ! да вѣдь я немножко! Вѣдь если мы немножко и поговоримъ — право, вреда особеннаго отъ этого не будетъ. Только время скорѣе пройдетъ!

— И это знаю. Да не объ томъ мы думать должны. Подвигъ мы на себя приняли — ну, и должны этотъ подвигъ выполнить. Кончай-ка кофей, да идемъ гулять! Вспомни, какую намъ палестину выходить предстоитъ!

Въ одиннадцать часовъ мы вышли изъ дому и направились по Литейной. Пришли къ зданію судебныхъ мѣстъ.

— Вотъ, братъ, и судъ нашъ праведный! сказалъ я.

— Да, братъ, судъ! вздохнулъ въ отвѣтъ Глузовъ.

— А коли по правдѣ-то сказать, таеъ наступить же когда-нибудь время, когда эти суды...

— Да обуздай, наконецъ, язычище свой! Ну, судъ — ну, и прекрасно! И будетъ съ тебя! Архитектура вотъ... разбирай ее на здоровье! Зданіе прочное—внутри дворъ... Чего лучше!

— Да, мой другъ, удивительно, какъ это нынче... Говорять, даже буфетъ въ судѣ есть?

— Есть и буфетъ.

— А ты не знаешь, чѣмъ этотъ буфетъ славится?

— Водки рюмку выпить можно—какой еще славы нужно! Котлетки подаютъ, бифштексъ—въ званіи отвѣтчика даже очень прилично!

— Удивительно! просто удивительно! И правосудіе получить, и водки напиться—все можно!

— Только болтать лишнее нельзя! Идемъ на Фурштатскую.

Пошли по Фурштатской; дошли до Овсянниковскаго дома.

— Вотъ какой столбъ былъ! До неба рукой доставалъ — и вдругъ рухнулъ! воскликнулъ я въ умиленіи: — я, впрочемъ, думаю, что Провидѣніе не безъ умысла, отъ времени до времени, такія зрѣлища допускаетъ!

— Для чего Провидѣніе допускаетъ такія зрѣлища—это, братъ, не нашего ума дѣло; а вотъ, что Овсянниковъ подвергся карѣ закона — это вѣрно. Это я въ газетахъ читалъ, и потому могу говорить свободно!

— Да, но отчего же и о путяхъ Провидѣнія не припомнить при этомъ?

— Отъ того, что пути эти намъ неизвѣстны — вотъ

отъ чего. А что намъ неизвѣстно — въ тому мы должны относиться сдержанно. Шагай, братецъ.

Въ концѣ Фурштатской — питейное заведеніе. Выходить оттуда мужчина въ изорванномъ пальто, съ изорванной фізіономіей и, пошатываясь, горланить:

Красавица! подожди,
Бѣлы руки положи!

- Вотъ и онъ совѣтуетъ подождать! говорю я.
- Да, потому что всѣмъ такая линія вышла.
- А бѣдный онъ!
- Кто? пьяница-то?
- Да, онъ. Сколько лютой скорби надобно, чтобъ на-
кипѣло у человѣка въ груди...

Но Глумовъ и тутъ оборвалъ меня, запѣвъ:

Красавица! подожди!
Бѣлы руки положи!

— Не для того я напоминаю тебѣ объ этомъ, продолжалъ онъ:—чтобъ ты именно въ эту минуту молчалъ. а для того, что если ты теперь сдерживать себя не будешь, то и въ другое время языкъ обуздывать не сумѣешь. Выдержка намъ нужна, воспитаніе. Мы на славянскую распущенность жалуемся, а не хотимъ понять, что отъ того вся эта неопрятность и происходитъ, что мы на каждомъ шагу послабленія себѣ дѣлаемъ. Прямо, на улицѣ, пожалуй, не посмѣемъ высказаться, а чуть зашли за уголь — и распустили языкъ. Понятно, что начальство за это претендуетъ на насъ. А ты такъ умѣй собой овладѣть, что ежели сказано тебѣ «погоди!», такъ ты годи вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, да отъ всего сердца, да со всею готовностью—вотъ какъ! даже когда ..

одинъ съ самимъ собой находишься — и тогда годи! Только тогда и почувствуется у тебя настоящая культурная выдержка.

Я долженъ былъ согласиться съ Глумовымъ. Дѣйствительно, русскій человѣкъ какъ-то туго поддается выдержкѣ и почти совѣмъ не можетъ устроить, чтобы на всякомъ мѣстѣ и во всякое время вести себя съ одинаковымъ самообладаніемъ. Есть у него въ этомъ смыслѣ два очень серьезные врага: воображеніе, способное мгновенно создавать разнообразныя художественныя образы, и чувствительное сердце, готовое раскрываться на встрѣчу первому попавшемуся впечатлѣнію. Обстоятельства почти всегда застигаютъ его врасплохъ, а потому, сію минуту онъ увядаетъ, а въ слѣдующую—расцвѣтаетъ, сію минуту рассыпается въ выраженіяхъ преданности и любви, а въ слѣдующую — влываетъ или загибаетъ непечатныя слова, которыя у насъ какъ-то и въ счетъ не полагаются. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не умѣетъ сдерживать свою мысль и рѣчь въ извѣстныхъ границахъ, но непремѣнно впадаетъ въ расплывчивость и прибѣгаетъ къ околичностямъ. Прочтите любой судебный процессъ, и вы безъ труда убѣдитесь въ этомъ. Ни одинъ свидѣтель на вопросъ: гдѣ вы въ такомъ-то часу были?—не отвѣтитъ просто: былъ тамъ-то, но непремѣнно всю свою душу при этомъ изольетъ. Начнетъ съ родителей, потомъ переберетъ всѣхъ знакомыхъ, которыхъ фамиліи попадутся ему на языкъ, потомъ объ себѣ отзовется, что онъ человѣкъ несчастный, и, наконецъ, уже на повторительный вопросъ: гдѣ вы были?—рѣшится отвѣтить: былъ тамъ-то, но непремѣнно призовокупить: видѣлся вотъ съ тѣмъ-то, да еще съ тѣмъ-то, и сговаривались мы сдѣлать то-то. Однимъ словомъ, самаго ничтожнаго повода достаточно, чтобы насто-

жить воображеніе и чтобы послѣднее немедленно нарисовало цѣлую картину.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я рѣшился сдерживать себя. Молча мы повернули вдоль линіи Таврическаго сада, затѣмъ направо по набережной, и остановились противъ Таврическаго дворца. Натурально, умилились. Тѣни Екатерины, Потемкина, Державина такъ живо пронеслись передо мною, что мнѣ показалось, что я чувствую ихъ дуновение.

— Вотъ гдѣ витаетъ тѣнь великолѣпнаго князя Тавриды! воскликнулъ я.

— Да, братъ, вотъ тутъ, въ этомъ самомъ мѣстѣ онъ и жилъ! отозвался Глумовъ.

— И чтò отъ него осталось? Чѣмъ разрѣшилось облако блеска, славы и власти, которое окружало его? Нѣсколькими десятками анекдотовъ въ «Русской Старинѣ», изъ коихъ въ одномъ главную роль играетъ севрюжина! Вонъ тамъ былъ сожженъ знаменитый фейерверкъ, вотъ тутъ, съ этой террасы глядѣла на празднество залитая въ золото толпа царедворцевъ, а вдали неслыханныя массы голосовъ и инструментовъ гремѣли «Коль славенъ», подъ громъ пушекъ! Гдѣ все это?

Я расчувствовался, всталъ въ позу и продекламировалъ:

Гдѣ стоить былъ яствъ — тамъ гробъ стоить,
Гдѣ пиршество раздавались клики,
Надгробные тамъ воютъ лики
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ...

— Дальше не помню, но неправда-ли, удивительно!

— Удивительно-то удивительно, только это изъ оды на смерть Мещерскаго, и къ Потемкину, слѣдовательно не относится, расколдовалъ меня Глумовъ.

— Все равно, это стихи Державина, которые всегда повторить приятно! Екатерина! Державин! Имена-то какія, мой друг! часто-ли встрѣтишь ты въ исторіи такія сочетанія!

— Орловы! Потемкинъ! Румянцевъ! Суворовъ! словно эхо вторилъ мнѣ Глумовъ, и, ставъ въ позицію, проделамировалъ:

Вихрь полуночный летитъ богатырь!
Тѣнь отъ чела, съ посвиста—пыль!

— А потомъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, и, наконецъ Зубовъ... И каждому-то умѣлъ старикъ Державинъ комплиментъ сказать!

Подъ напльвомъ этихъ отрадныхъ чувствъ начали мы припоминать стихи Державина, но, къ удивленію, ничего не припомнили, кромѣ:

Запасиися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣсть добры щи и пиво пить! *)

— Да, братъ, былъ такой крестьянинъ! былъ! воскликнулъ я, подавленный нарисованною Державинымъ картиной.

Какъ ни сдержанъ былъ Глумовъ, но на этотъ разъ, и онъ счелъ неумѣстнымъ охлаждать мой восторгъ.

— Да, братъ, былъ, сказалъ онъ почти сочувственно.

— Было! все было! продолжалъ я восклицать въ восхищеніи:—и «добры щи» были! представъ себѣ: «добры щи»!

— Представляю, но, все-таки, не могу не сказать: восхищаться ты можешь, но съ такимъ расчетомъ, что-

*) «Осень во время осады Очакова».